

УДК 39(161.1)(091)27(470.11)(091)(045)

МАТОНИН Василий Николаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры культурологии и религиоведения института социально-гуманитарных и политических наук Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова. Автор 61 научной публикации

ДУХОВНЫЙ СМЫСЛ СЕВЕРНОГО МОРЕПЛАВАНИЯ

В статье представлены результаты исследования психологических моделей поведения человека в экстремальных условиях северного мореплавания и рассмотрены духовные мотивировки, побуждающие поморов к освоению Арктики. Богословие северной морской культуры воспроизводит раннехристианский опыт аскетике.

Ключевые слова: Белое море, северное мореплавание, колонизация, инициация, граница.

Слово *asketes* в греческом языке имеет значения «упражняющийся», «религиозный подвижник», «отшельник», крайне воздержанный человек, отказывающийся от жизненных благ¹. *Askesis* – образ жизни, основанный на отказе от чувственных влечений и желаний для достижения нравственного совершенствования. Мотивы, по которым поморы, осваивая Беломорье, Мурман, Северный морской путь, претерпевали холод («в море жарко не бывает»), полярную ночь, трудности арктического мореплавания, рисковали жизнью, могли быть различны, но в предельных обстоятельствах всегда получали духовный смысл и религиозное значение.

Подобно тому, как Антоний Великий и его ученики уходили от мира в необитаемые пределы Нитрийской пустыни, «незнаемые земли» Севера осваивали русские подвижники благочестия. В XV–XVII веках постепенно оформлялось священное пространство «Северной Фиваиды»,

включающей в себя бесчисленные монастыри, скиты, пустыни. Этот геометрический образ можно представить в виде мировых кругов, вписанных друг в друга, где священными центрами являются монастыри, храмы, часовни².

В советской историографии утвердилась концепция трех потоков новгородской колонизации – «боярской, крестьянской и монастырской». Бояр привлекали богатства Севера. Крестьяне искали свободных земель. Монахи – спасения. Между тем, русская колонизация XII–XVII веков подлежит осмыслению с религиозных позиций и понятий, в т. ч. и прежде всего как опыт аскетике.

Движение славянского населения на Север не поощрялось «сверху» и складывалось не «благодаря», а «вопреки» ценностям «мира сего», как альтернатива решению любой не решаемой рациональным образом социальной, политической и в любом случае – духовной проблемы.

Бегство от мира было формой оппозиционности в пространстве русской культуры. В соответствии с аналогичными мотивами в христианстве III–IV веков оформлялось монашество: сначала как частные проявления духовной оппозиции, а затем – как социальный институт.

Освоение Севера, отличающегося суровыми климатическими условиями, требовало от русских поселенцев жертвенности. Странничество в русской земледельческой культуре всегда было духовным вызовом. Смена пространственных координат подразумевает отказ от собственности и привычного образа жизни, предполагает умирание и рождение в новом качестве. Промысловиков, которые зимовали на Шпицбергене, называли «отпетыми». Это был высокий морально-нравственный статус человека, имеющего еще не исполненное земное предназначение. Такие люди нередко становились монахами или трудниками в монастырях, принимали обет келейничества по достижении старости.

Когда был усвоен христианский идеал на Руси, невозможность его осуществления уводила боголюбцев на поиск «обетованного пространства» для обретения в нем «обетованного времени», когда «никаких времен не будет»³. Понятие «Поморье» в большей степени понятие этнокультурное, нежели географическое⁴. Условные границы Поморья расширялись по мере освоения русскоязычным населением Мурман, Арктики и Сибири. Не только люди выбирали Север, но и Север «выбирал» людей с особой ментальностью: склонных к неординарным творческим решениям, к диалогу с носителями иных культур и традиций, самостоятельных и ответственных.

Море учит смирению, терпению, дисциплине. Если подвиг и гибель монаха в бурных водах состоял в исполнении морских послушаний, его почитали как святого. В Беломорье прославлены блаженные Иоанн и Лонгин, преподобные Иона и Вассиан. В Умбе – «неизвестный инок». Святой Варлаам, Керетский чудотворец, избавил поморов от червей, истачивающих деревянные корпуса судов. Святителя Николая поморы называли «Скорый помощник» и в странствиях

уповали на его заступничество. Популярность почитания Святителя Николая нашла выражение в поговорке «От Холмогор до Колы – тридцать три Николы». Именем Николая (Миколы) освящены в Поморье многие храмы, приделы, часовни. Осталось немало свидетельств о помощи промышленникам и паломникам от отцов и начальников Соловецких преподобных Зосимы и Савватия.

Идея «перехода» как возможности спасения (в широком смысле) выкристаллизовывалась в идеале Преображения.

Поморов интересовали духовные и практические аспекты морской реальности. Внимание ученых сосредоточено на психологических переживаниях «океанического чувства». По словам М. Хайдеггера, «смелость узнает в бездне страха почти нехоженный простор бытия, чей свет впервые дает всякому существу вернуться в то, что он есть и чем может быть»⁵. З. Фрейд считает, что любой человек становится религиозен, переживая сопричастность к беспредельности⁶.

Во время морской болезни («когда море бьет») человек погружается в состояние, напоминающее умирание, «...переживает муки, разрешающиеся выходом в новое пространство, что воспринимается как освобождение, как “рождение”, как приобщение личности к бессмертию»⁷. Образ моря соотносится с воплощением небытия, из которого начинается инобытие. Колебательно-колыхательное движение океана погружает человека в переживание «экзистенциальной тошноты»⁸. По содержанию этот процесс напоминает инициацию как одну из религиозно-культурных универсалий. Морская болезнь сопровождается яркими видениями в тонком сне, а на выходе из состояния «умирания» – радостью обновленной жизни. Переход или «прорыв» сквозь предметность в иной план бытия, «в ноуменальный мир свободной воли» имеет место именно в пограничных ситуациях перед лицом гибели, крушения, неудовлетворенности существованием, лишенной очевидных оснований. Море – «тот локус, где подобная ситуация возникает особенно естественно и относит человека в одну из двух

смежных и имеющих общий исток областей – царство смерти и царство сновидений»⁹.

Выстраиваются новые ценностно-смысловые парадигмы, мобилизуются духовные и жизненные ресурсы. Экстремальные обстоятельства предопределяют «перемену ума» – покаяние и готовность начать жизнь по-новому. Морская практика соотносится с опытом христианской аскетики. Преодолевая трудности, мореплаватель невольно приходит к мысли о том, что он еще не знает своих возможностей, что у него все самое главное – в будущем. Опасность побуждает к покаянию, а покаяние предшествует Преображению как обретению нового человеческого качества.

В Поморье широко распространена практика религиозных обетов. Это бесплатная работа в монастыре (трудничество), воздвижение памятных крестов на месте чудесного спасения. В Кушереке, в старом селе на Поморском берегу Белого моря, до начала XX века сохранялся обычай келейничества, когда старики уходили от мира в пустынь, где доживали век в молитвах и в посте.

В глубинах северной морской культуры «мерцают смыслом» образы храма и маяка, корабля и дома, поклонного креста и мачты. Хожение по водам соотносится со странствием по житейскому морю. Крестьянские избы – пятистенки («хоромины») – напоминают корабли в небесном океане. Килевая часть судна и несущая балка дома у поморов называются «матца». Неслучайна связь слов «дом» и «домовина». Игнатий Брянчанинов называет монахов «неотпетыми мертвецами», для которых мир – «истинная вдовица»¹⁰. Хоромина – храм. «Церковь, подобно кораблю, приводит человека в Царство Небесное»¹¹. Судно – суд – испытание. Корабль – корабль – гроб. Эти этимологические ряды напоминают о водных погребениях восточных славян. Мир живых и мир мертвых разделяет водная преграда: река Лета – у славян, Стикс – у древних греков.

Морские побережья Беломорья и Мурман оформляют знаки перехода, движения к обетованной цели. В конкретно-чувственном

восприятии мореходами архетипических образов моря зримо проявляется образно-символический ряд понятий, глубины которых восходят к религиозно-культурным универсалиям. Береговая линия – «край света». Встреча моря и суши – опыт переживания границы, порога между бесконечным и конечным¹². Остров – последний рубеж земной жизни: «сакральный центр потустороннего мира»¹³. Ветер – «судьба». Туман – символ неопределенности. Рассеивание тумана соотносится с прозрением и откровением, олицетворением перехода из одного состояния в другое. Постепенное уменьшение размеров корабля по мере его удаления от берега подкрепляло убеждение людей, остающихся на берегу, в правдивости одного из древнейших мифологических сюжетов – путешествия душ умерших по морю в загробный мир, когда мореход погружался в пучину вод¹⁴. Природные трудности воспринимаются как естественные препятствия, преодоление которых приобретало значение аскетической практики.

Освоение новых пространственных измерений качественно расширяет возможности мировидения и глубину миропонимания. Древнейшие цивилизации были речными, основанными на земледелии. Зародившиеся в долинах рек, они враждебны морю. В Древнем Египте, в частности, мореплавание считалось делом нечистым, и было отдано на откуп чужеземцам. Когда Средиземное море соединило два континента, стали возможны великая греческая колонизация и феномен «золотого века» древнегреческой культуры. Открытие Колумбом Америки знаменовало начало «нового времени» в истории Европы¹⁵. Непреодолимая океаническая стихия превратилась в новое пространственное измерение. Столь же значимые последствия влекли за собой возможности освоения небесных просторов и космоса. В настоящее время наука пытается заглянуть в глубину материи – в микромир, а в горизонтальной системе пространственных координат для современной России приобретает важнейшее геополитическое значение устремленность в Арктические воды.

Исторические примеры пространственно культурных реалий имеют важное методологическое значение по отношению к каждому конкретному человеку здесь и сейчас. Расширение познания, требующее сверхординарного усилия (жертвы, самоограничения, аскезы), открывает для личности новые в качественном отношении планы бытия, возможности и горизонты. Русский Север – это размытая во времени и в пространстве государственная и политическая граница Руси, а Русское Поморье – граница экзистенциальная, стремящаяся к расширению через устремленность к спасению и аскетическую практику.

Ситуация «границы» определяет ряд онтологических особенностей самопознания и восприятия реальности:

- склонность к рефлексии – бинарной самоидентификации (к осмыслению предельных вопросов и ответов);

- осознание настоящего как борьбы или неустойчивого баланса противопоставленных сил;

- формирование сообщества личностей. По определению Н.А. Бердяева, «личность – это морально-нравственная категория, цель, поставленная перед человеком».

Идеологему, характеризующую особенности культуры Русского Поморья, устремленной в сторону Арктики и Сибири, можно определить как идею перехода, идеал Преображения, идеологию, принимающую различные формы оппозиционности по отношению к условному центру.

Анализ северного мореплавания с духовных позиций позволяет выявить его наиболее очевидные качества:

1. Движение под парусом по океану в сложных погодных условиях («на грани разумного риска») приобретает иррациональный смысл. Стремление к спасению души материализуется в расстояние, которое нужно пройти до обетованной цели. Преодолеваемые трудности воспринимаются как показатель роста духовных и телесных возможностей.

2. Море – инобытийная стихия, перемещение по которой соотносится с реальным переживанием смерти. Избавление от морской болезни – результат психологической метаморфозы, а именно – преодоления «эго». Надо мысленно согласиться с тем, что «я» – часть моря и корабля, чтобы муки, испытываемые при «умирании», превратились в радость обретения нового качества. Морское волнение энергию страдания трансформируется в радость обновленной жизни. Важно жить в одном ритме с волнами. Нельзя думать о прошлом и о будущем, когда в настоящем требуется предельная концентрация внимания и усилий. Нужно преодолеть страх и физическую немощь. Все это в совокупности позволяет сопоставить монашескую аскетическую практику с опытом арктического парусного мореплавания.

3. Движение по океану на парусном судне воспроизводит ряд важнейших архетипических моделей, возвращающих «к началу»: «рождение мира из яйца в водах предвечного океана»; формирование сообщества (артели) и форм коммуникаций в тесном пространстве морского судна как проекцию монашеского общежития.

4. Если природа – текст, то культура – его цитирование. Способ и формы сакрализации природной среды как части естественной навигационной системы отражают идеологические и мировоззренческие особенности мореплавателей. Наиболее архаические и универсальные объекты почитания – холмы, острова, пещеры, водные источники, священные рощи, большие деревья и скалы. Их дополнительная маркировка, оформляющая освоенное православными христианами пространство, предполагает строительство на холмах церквей, установку на приметных местах деревянных крестов.

Исторический путь России направлен к морю. Освоение Арктики и Сибири следует приравнять к великим географическим открытиям. Духовный смысл этого движения и бесценный опыт аскетики должны быть восприняты и осмыслены сегодня как важное условие самоопределения и осознания национальной идеи.

Примечания

- ¹ Словарь иностранных слов. М., 1981. С. 57.
- ² Теребихин Н.М. Сакральная география Русского Севера. Архангельск, 1993. С. 107.
- ³ Морозов С.В. Идея Соловков // Постигание Соловков. Очерки и материалы. М., 2011. С. 177–178.
- ⁴ Матонин В.Н. Русское Поморье как этнокультурное понятие // Вестн. Помор. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2010. № 6. С. 81–86.
- ⁵ Хайдеггер М. Время и бытие: ст. и выступления. М., 1993. С. 39.
- ⁶ Фрейд З. Недовольство культурой // Антология культурологической мысли. М., 1996. С. 153–155.
- ⁷ Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: избр. М., 1995. С. 585–586.
- ⁸ Там же. С. 601.
- ⁹ Там же. С. 581.
- ¹⁰ Настольная книга священнослужителя. Т. 6. М., 1988. С. 535.
- ¹¹ Бухарев И., Протоиерей. Краткое объяснение Всенощной, Литургии или Обедни. М., 1904. С. 4.
- ¹² Топоров В.Н. Указ. соч. С. 579.
- ¹³ Теребихин Н.М. Лукоморье. Архангельск, 1999.
- ¹⁴ Культура русских поморов. М., 2005. С. 182.
- ¹⁵ Карев Н.И. Общий ход мировой истории. Очерки главнейших исторических эпох. СПб., 1903. С. 7–11.

Matonin Vasily Nikolaevich

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov,
Institute of Social, Humanitarian and Political Sciences

SPIRITUAL MEANING OF NORTHERN SEAFARING

The article presents the results of the study of psychological models of a person's behavior under extreme conditions of the northern navigation and considers spiritual motivations stimulating the Pomors to develop the Arctic. Theology of the northern marine culture reproduces the early Christian experience of asceticism.

Key words: *White Sea, northern seafaring, colonization, initiation, border.*

*Контактная информация:
e-mail: matoninv@yandex.ru*

Рецензент – Теребихин Н.М., доктор философских наук, профессор кафедры культурологии и религиоведения института социально-гуманитарных и политических наук, директор Центра сравнительного религиоведения и семиотики Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова